

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 93/94:[330.34+330.5]

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-143-177

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
ПОСТСОВЕТСКОГО АЗЕРБАЙДЖАНА: ТЕНДЕНЦИИ, ДИНАМИКА,
ИТОГИ****Р.Б. КАРАМУРЗОВ**

*Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1
E-mail: karamourzov@gmail.com*

Аннотация. В работе рассматриваются различные показатели социально-экономического развития Республики Азербайджан на протяжении почти трёх десятилетий. Даются определения и разъясняется содержание использованных количественных характеристик. Исследуется динамика интегральных макроэкономических индикаторов относительно их уровня 1990 г. Делаются выводы о структурных изменениях в производстве валового внутреннего продукта с момента распада СССР. Анализируются показатели, характеризующие численность и структуру трудовых ресурсов Азербайджана. Освещаются некоторые аспекты трудовой эмиграции из страны за рубеж. Дается обзор индекса человеческого развития и его основных компонент в Республике Азербайджан в 1995-2018 гг. Приводятся данные о значении индекса достижения Целей устойчивого развития, который характеризует прогресс страны в области устойчивого развития. Анализ данных выявил, что концу 2010-х гг. весь и подушевой ВВП Азербайджана превысили уровень 1990 г., соответственно, в 2,5 и 1,8 раза. Численность населения за эти годы возросла на 40%. За период независимого развития в структуре ВВП более чем в полтора раза выросла доля промышленности, причём за счёт её добывающих отраслей. Доля сельского хозяйства в ВВП с 1990 по 2018 гг. сократилась примерно в пять раз (с 26 до 5%), а вклад сферы услуг был таким же, как и в 1990 г. (около 35%). К 2019 г. доля занятых в сельском хозяйстве сократилась до примерно 36 %, доля занятых в сфере услуг выросла примерно до 50 %, а доля работавших в промышленности увеличилась до 14-15 %. За 1995-2018 гг. значение индекса человеческого развития Азербайджана выросло почти на 25%. Относительное место Азербайджана в мировом рейтинге индекса достижения ЦУР оставалось примерно одинаковым.

Ключевые слова: Азербайджан; постсоветский период; социально-экономическое развитие; валовой внутренний продукт; экономический рост; Цели устойчивого развития.

ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT OF POST-SOVIET AZERBAIJAN: THE TENDENCIES, THE DYNAMIC AND THE RESULTS

R.B. KARAMOURZOV

*Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow state university
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/1
E-mail: karamourzov@gmail.com*

Abstract. The paper deals with the dynamics of some socio-economic indicators of Azerbaijan for more than two and a half decades. Thorough description of the indicators used for the analysis is provided. The relative dynamics of both total and per capita GDP is investigated. The conclusions on structural changes of the GDP since the collapse of the USSR are drawn. The number and the structure of Azerbaijan's labor resources are analyzed. Some aspects of labor emigration are highlighted. An overview of the Human Development Index and its basic components is made. Data on the changes of the Sustainable Development Goals Index is provided. Certain indicators of Azerbaijan are compared to those of some other countries. The analysis revealed that by the end of the 2010s total and per capita GDP of Azerbaijan exceeded the 1990 level, respectively, 2.5 and 1.8 times. The population increased by 40%. The share of industry in GDP has grown more than 1,7 times (exclusively due to its extractive industries). The share of agriculture in GDP decreased from 26 to 5%, while the share of the services sector was at the level of 1990. By 2019, the share of persons employed in agriculture fell to 36%, the share of people employed in services increased to about 50% and the share of those employed in industry increased to 14-15%. From 1995 to 2018 the score of the Human Development Index of Azerbaijan increased by almost 25%. The positions of Azerbaijan in world SDG index ranking haven't changed significantly.

Keywords: Azerbaijan; post-Soviet period; socio-economic development; Gross domestic product; economic growth; Sustainable Development Goals.

ВВЕДЕНИЕ

К началу 1992 г. на месте бывшего СССР возникло более десятка новых независимых государств. В последующие годы им предстояло осуществить неизменно трудный и болезненный переход от планового хозяйства к новым экономическим отношениям «рыночного типа». Важными чертами этих преобразований были неподготовленность властных структур, отсутствие целого ряда необходимых общественных институтов, наконец, неосведомленность значительной части населения даже в самых общих вопросах новых экономических реалий.

К середине 1990-х гг. все новые независимые государства оказались втянутыми в т.н. кризис переходного типа (который в отдельных случаях осложнялся гражданскими войнами и вооруженными конфликтами с соседними странами). Это социальное явление выразилось, в частности, в сокращении объемов производства, росте уровня безработицы, снижении реальных доходов населения и, как следствие, падении уровня жизни.

Продолжительность и глубина этого кризиса существенно различались от страны к стране. Так же и в разных сферах отдельно взятых народных хозяйств проявления спада были неодинаковыми. В результате, некоторые

характеристики социально-экономического развития новых независимых государств даже во второй половине 2010-х гг. не достигли значений позднего советского периода, тогда как другие – значительно превзошли лучшие советские показатели.

Причины расхождений в длительности и масштабах «трансформационного кризиса», очевидно, надо объяснять сложной комбинацией самых разных факторов.

Например, немалую роль должна была сыграть разница в «стартовых» значениях отдельных количественных характеристик: ведь несмотря на цельность и универсальность социальной и экономической политики СССР, различия между уровнями развития республик объективно существовали.

Также не вызывает сомнений, что товары новых стран (структура производства которых в это время, во многом, была определена местом и ролями республик в общесоюзном разделении труда), оказались неодинаково «востребованы» мировым хозяйством; разумеется, не последнюю роль здесь сыграла и текущая (на начало 1990-х гг.) (мировая) рыночная конъюнктура и, возможно, близость к потенциальным рынкам сбыта производившейся продукции.

Наконец, нельзя не принимать во внимание результативность национальных стратегий экономического развития, которые нередко различались между собой весьма существенно. Не вдаваясь в подробности этих различий, достаточно указать на общеизвестные факты разной «идейно-политической ориентированности» новых независимых государств. Так, в одних странах приоритетом и целью объявлялись вступление в Евросоюз, в других – декларировалось намерение следовать успешным моделям Восточной (Японии) и Юго-Восточной Азии (Малайзии, Сингапура). В то же время, в политике третьих стран явно проглядывался курс на сближение с культурно и/или исторически близкими государствами (Румынией, Турцией).

Список возможных объяснений разных итогов социально-экономического развития новых независимых государств, конечно, гораздо более обширен. Изучение неодинаковых успехов отдельных стран – важнейшая задача, стоящая перед исследователями бывшего советского пространства. Неотъемлемой частью подобного анализа является рассмотрение количественных характеристик происходивших изменений, а также нынешних значений показателей экономического развития, уровня и условий жизни людей.

В настоящей статье рассматривается динамика нескольких экономических и социальных индикаторов одной из бывших советских республик – Азербайджана. Число их было ограничено исследованием динамики следующих характеристик: экономического роста (динамика ВВП), структуры ВВП по основным секторам производства, особенностей возрастной структуры населения и отраслевой структуры занятости, а также интегральных международных индексов.

МЕТОДЫ

Основным методом анализа настоящей работы является критическое рассмотрение широкого круга количественных показателей, характеризующих положение дел в различных сферах хозяйственной деятельности страны.

Источники данных

Основными источниками статистических сведений, используемых в настоящей статье, являются данные Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики, Межгосударственного статистического комитета стран СНГ, Всемирного банка, МВФ, Программы развития ООН (ПРООН), Международной организации труда (International Labour Organization), Глобального партнерства по распространению знаний о миграции и развитии (Global Knowledge Partnership on Migration), Сети организаций для выработки решений, способствующих устойчивому развитию (Sustainable Development Solutions Network, SDSN).

Показатели

При анализе вопросов социального и экономического развития стран и территорий целесообразно рассматривать как можно большее число показателей. В то же время, очевидно, что на практике данный принцип может быть реализован только с определенными ограничениями. Например, потому, что далеко не по всем показателям есть статистические данные надлежащего качества за весь изучаемый период. Кроме того более или менее подробный анализ по большому числу количественных характеристик трудно осуществить в рамках одной статьи.

Рассматриваемые в настоящей работе показатели условно могут быть разделены на три группы:

- 1) показатели, характеризующие изменения размеров и структуры народного хозяйства;
- 2) показатели, характеризующие численность трудовых ресурсов, отраслевую структуру занятости и трудовую миграцию;
- 3) сводные (иначе, общие) статистические индексы, характеризующие социальное и экономическое развитие страны

1. Показатели, характеризующие изменения размеров и структуры народного хозяйства

Количественные характеристики ВВП. Валовой внутренний продукт (далее, ВВП), является одним из наиболее часто применяемых показателей при анализе экономического развития страны. Именно темпы изменения ВВП рассматриваются в качестве основных характеристик экономического роста.

Когда речь идёт о динамике ВВП неизбежно возникает вопрос о том, как именно её оценивать. Обычно в распоряжении исследователя имеются данные о величине этого показателя в национальной и иностранной валюте. Вторая форма представления особенно удобна для непосредственных международных

сопоставлений. Перевод в иностранную валюту осуществляется, как на основе обменных курсов валют, так и с помощью ППС валют. При этом, в зависимости от задач исследования, могут быть использованы сведения о величине ВВП как в текущих, так и постоянных ценах того или иного года.

При прочих равных, большинством исследователей признаётся, что для целей международных сопоставлений, ППС валют подходят больше, чем обменные курсы (как по своему содержанию, так и потому, что их значения не подвержены колебаниям в той степени, как обменные курсы валют). Данные о ВВП большинства стран, как по обменному курсу, так и по ППС валют содержатся в базах данных Всемирного банка, МВФ, Гронингенского центра по изучению роста и развития экономики «Penn World Table».

Однако точность рассчитанных на основе ППС валют абсолютных значений ВВП разных стран в отдельные годы вызывает сомнения [Карамурзов, Фридман 2011]. В частности, время от времени оспариваются результаты даже относительно поздних раундов Программы международных сопоставлений (проведенных с использованием более совершенных методик расчёта ППС валют) [Maddison 2010].

Поскольку сравнительный анализ абсолютных значений ВВП Азербайджанской Республики и других государств не является основной целью настоящей статьи, наиболее целесообразным представляется использование данных о темпах ежегодного роста ВВП и сравнение этой динамики с некоторым базовым уровнем. В качестве такового предлагается использовать величину ВВП Азербайджана в 1990 г. На первый взгляд, подобный подход может показаться не вполне корректным, ведь современный этап независимого развития республики начался во второй половине 1991 г., тогда как в 1990 г. Азербайджан оставался республикой в составе СССР. Однако поскольку задачей работы является, прежде всего, изучение того как изменения могли отразиться на уровне и условиях жизни людей, представляется верным брать в качестве базового наиболее подходящий для подобного сравнения год, а не значимые в политическом и историческом смысле даты, каковыми, очевидно, являются декларация о государственной независимости страны или признание этого факта де-юре. Поскольку в 1990 г. был достигнут максимум производства во многих отраслях советской экономики, этот год оказался лучшим для большинства советских республик (в т.ч. и для Азербайджана), если судить об успехах хозяйственного развития по величине макроэкономических показателей. Уже в 1991 г. наблюдался заметный спад во многих сферах производства. Соответственно, 1990 г. целесообразно использовать в качестве точки отсчёта потому, что это позволит полнее оценить масштабы происходивших в последующем сокращений производства ВВП.

Структура ВВП. Другой важной характеристикой народного хозяйства является его структура. В базе данных Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики содержатся разнообразные сведения

о вкладе в производство ВВП различных отраслей народного хозяйства¹. Однако поскольку формат и задачи статьи не позволяют провести детальный анализ динамики отдельных отраслей, в настоящей работе предлагается ограничиться рассмотрением широко применяемых в экономических исследованиях трёх основных секторов экономики: первичного, вторичного и третичного (сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг) [Fisher 1939; Clark 1940: 6-7]. Несмотря на давно звучащие критические замечания, нередко, хорошо аргументированные [Pohl 1970], такая агрегация довольно широко применяется. Она достаточно приемлема и довольно удобна когда если исследование не претендует на исчерпывающий анализ структуры производства товаров и услуг.

В частности, изучение структуры производства ВВП по трём секторам экономики может дать представление об изменениях в приоритетах и возможностях народного хозяйства страны. Например, постепенное снижение доли сельского хозяйства, при прочих равных, может считаться наиболее общей тенденцией, тогда как его относительный рост, требует пристального изучения.

В базах данных Всемирного банка содержатся сведения о вкладе трёх укрупнённых секторов – сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг – в народное хозяйство различных стран за длительный период времени. Как правило, эти данные получены на основе национальной статистики соответствующих стран; «укрупнение» отраслей до секторов производится на основе Международной стандартной отраслевой классификации (МСОК) всех видов экономической деятельности. Так, к «Сельскому хозяйству» в широком смысле (иначе, первичному сектору) эксперты Всемирного банка относят отрасли подразделов 01, 02 и 05 МСОК 3.1. Относительно небольшое число подразделов позволяет назвать их здесь: 01 – это «Сельское хозяйство, охота и связанные с этим услуги», 02 – «Лесоводство, лесозаготовки и связанные с этим услуги», 05 – «Рыболовство, аквакультура и услуги, связанные с рыболовством».

К «Промышленности» в широком смысле (иначе, вторичному сектору) относятся отрасли подразделов 10-45 МСОК 3.1; при этом отдельно, как составная часть «Промышленности» в широком смысле, выделяется «Обрабатывающая промышленность», к которой относят отрасли подразделов 15-37.

Поскольку перечисление более чем трёх десятков подразделов МСОК нецелесообразно в настоящей работе, ниже приведены названия основных разделов, собственно, формирующих вторичный сектор, обозначенные в МСОК 3.1 соответствующими литерами: С – Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров; D – Обрабатывающая промышленность; E – Электроэнергия, газ и водоснабжение; F – Строительство.

---

¹ Demographic Indicators // Azerbaijan Statistical Information Service: website. URL: <https://www.azstat.org/portal/tblInfo/TblInfoList.do#> (date of access: 2020-05-11).

Наконец, к «Сфере услуг» (иначе, к третичному сектору) относят отрасли подразделов 50-99 МСОК 3.1. Поскольку число подразделов МСОК 3.1 включенных в «Сферу услуг» ещё больше, чем в случае с «Промышленностью», по аналогии, ниже приведены названия основных разделов, относящихся к третичному сектору (так же, с их оригинальным литерным обозначением): G - Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей, мотоциклов, бытовых товаров и предметов личного пользования; Н – Гостиницы и рестораны; I – Транспорт, складское хозяйство и связь; J – Финансовое посредничество; K – Операции с недвижимым имуществом, аренда и коммерческая деятельность; L – Государственное управление и оборона; обязательное социальное страхование; M – Образование; N – Здравоохранение и социальные услуги; O – Прочие коммунальные, социальные и персональные услуги; P – Деятельность частных домашних хозяйств в качестве работодателей и недифференцированная производственная деятельность частных домашних хозяйств; Q – Экстерриториальные организации и органы.

Стоит повторить, что указанные группировки приведены в соответствии с МСОК 3.1 Для более современной МСОК 4, сектора, похоже, должны состоять из следующих подразделов: первичный – подразделы 01-03; вторичный – подразделы 05-43; третичный – подразделы 45-99.

2. Показатели, характеризующие численность трудовых ресурсов, уровень и отраслевую структуру занятости

Прежде, чем перейти к рассмотрению показателей, позволяющих понять состояние рынка труда, представляется целесообразным сделать несколько замечаний по поводу такой важной характеристики народного хозяйства как ***численность населения***.

В нынешней практике международных организаций этот показатель является одной из трёх (наряду с площадью территории и величиной ВВП) характеристик «размера экономики» (size of economy) [World Development... 2017: 15]. Данные о динамике численности населения, как правило, получают в ходе национальных переписей, а также путём текущего учёта населения. Во многих случаях наиболее надёжным источником сведений оказывается национальная статистика; в частности, потому, что именно центральные правительства стран имеют наиболее полный доступ к разнообразным сведениям, позволяющим вести учёт населения (данные о размерах домохозяйств, учёт въезда/выезда граждан в страну/из страны, статистика выбытия и прироста населения и т.п.). Сказанное, разумеется, не отменяет необходимости критического отношения к такого рода данным, предоставляемым национальными статистическими ведомствами, т.к. страны нередко заинтересованы преувеличивать или преуменьшать численность (например, завышая таким образом в глазах недружественной страны мобилизационный потенциал своих вооруженных сил).

В нашем распоряжении имеются сведения о численности постоянного населения изучаемой страны из базы данных Государственного комитета по

статистике Азербайджанской республики и именно они использованы при анализе динамики численности населения.

Численность населения даёт лишь опосредованное представление о числе тех, кто потенциально готов и может осуществлять хозяйственную деятельность, т.к. многое тут зависит от других показателей (например, от возрастной структуры населения и пр.).

Важнейшей характеристикой трудовых ресурсов является **численность экономически активного населения**. Согласно определению, содержащемуся в соответствующем разделе сайта Государственного комитета по статистике Азербайджанской республики, экономически активное население – это часть населения, обеспечивающая в рассматриваемый период предложение рабочей силы для производства товаров и услуг. Экономически активное население включает всех занятых в экономике и безработных¹.

Другой, как представляется, важнейшей характеристикой народного хозяйства является **структура занятости по секторам**. Данные такого рода предоставляются Международной организацией труда (далее, МОТ).

В методологических пояснениях МОТ есть прямое указание на то, что в её базах данных ILOSTAT сведения о занятых в основных секторах народного хозяйства организованы в полном соответствии с МСОК всех видов экономической деятельности². В частности, для пересмотренного варианта МСОК 3.1 указывается, что в качестве занятых в сельском хозяйстве учитываются люди, работающие в отраслях разделов А («Сельское хозяйство, охота и лесоводство») и В («Рыболовство»). Занятыми в промышленности признаются работники отраслей, отнесенных к D («Обрабатывающей промышленности»), F («Строительство»), С («Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров»), E («Электроэнергия, газ и водоснабжение»). Наконец, работниками третичного сектора признаются люди, занятые в сфере рыночных (G, H, I, J, K) и нерыночных (L, M, N, O, P, Q) услуг.

Ещё одной важной характеристикой человеческих ресурсов стран и территорий следует считать **трудоуую миграцию**. Пожалуй, наиболее понятный индикатор размера этого явления – число граждан страны, выезжающих за рубеж с целью осуществления там трудовой деятельности. Однако оценка масштабов данного процесса сопряжена с рядом сложностей, в частности, из-за того, что не всегда национальные миграционные службы собирают подробные данные о числе людей, выезжающих в другие страны в поисках работы.

Тем не менее, в нашем распоряжении есть количественные оценки, позволяющие определить масштабы экономической деятельности граждан находящихся за рубежом. Это так называемые денежные переводы физических

---

¹ Metadata on statistical indicators // Azerbaijan Statistical Information Service: website. URL: <https://www.azstat.org/MetaDataInd/bchapsdmx.jsp?prkod=61020&prskod=09> (date of access: 2020-03-17).

² Employment by Economic Activity. P 2. // International Labor Organization: website. URL: www.ilo.org/ilostat-files/Documents/description_ECO_EN.pdf (date of access: 2020-03-19).

лиц (remittances). Источником данных подобного рода является статистика Глобального партнерства по распространению знаний о миграции и развитии (Global Knowledge Partnership on Migration, KNOMAD), в рамках работы которого, в частности, обобщаются и публикуются данные об объёме денежных средств, которые переводят мигранты. Имея в своем распоряжении данные об объемах переводов трудовых мигрантов, сопоставляя этот показатель с различными макроэкономическими индикаторами страны, можно получить представление о том насколько значимыми являются эти переводы для населения и страны в целом.

3. Сводные статистические индексы

Показатели этой группы позволяют получить обобщённое представление об успехах в вопросах социально-экономического развития, путём учёта сразу нескольких – не только макроэкономических, но и ряда других, – характеристик.

Индекс человеческого развития. Практически с самого начала широкого внедрения Системы национальных счетов (СНС), звучали предостережения о рисках прямого использования подушевого ВВП в качестве базового показателя развития стран и территорий. Важным следствием подобной критики стала разработка под эгидой ООН показателя, который в большей степени ориентирован на оценку благополучия людей: индекса человеческого развития (ранее, также использовалось название «Индекс развития человеческого потенциала»). Этот показатель призван количественно оценивать благополучие населения в трёх измерениях развития: 1) возможность вести долгую и здоровую жизнь; 2) возможность получения знаний (иначе, доступность системы образования); 3) возможность достичь достойного уровня жизни [Индексы... 2018: 25]. Соответственно, для получения количественной характеристики по каждому из трёх направлений были выбраны несколько показателей. Индикатором, оценивающим возможность вести долгую и здоровую жизнь является «ожидаемая продолжительность жизни при рождении». Возможность получения знаний оценивается с помощью показателей «ожидаемая продолжительность обучения» и «средняя продолжительность обучения». Наконец, возможность достижения достойного уровня жизни оценивается величиной индикатора «валовой национальный доход на душу населения» [Индексы... 2018: 25].

Для удобства используется следующая (довольно условная, заметим) классификация значений ИЧР: значения меньше 0,550 – низкий уровень человеческого развития; значения от 0,550 до 0,699 – средний уровень человеческого развития; 0,700 – 0,799 – высокий уровень человеческого развития; наконец, значения от 0,800 и выше – очень высокий уровень человеческого развития [Индексы... 2018: 17].

Несмотря на наличие докладов о человеческом развитии за довольно длительный (с 1990 г.) период, не всегда соответствующие данные могут быть прямо использованы для анализа прогресса отдельных стран по величине ИЧР. Так, в докладе 2018 г. прямо указывается, что данные этой публикации «не

являются сопоставимыми с теми, что были опубликованы в предыдущих выпусках» [Индексы... 2018: 17]; там же говорится, что сопоставимые по годам и странам сведения о величине ИЧР представлены в таблице 2 этого доклада (стр. 26-29) или на официальной странице Докладов о человеческом развитии: <http://hdr.undp.org/data>. Именно эти данные будем использовать для анализа.

Индекс достижения Целей устойчивого развития. В сентябре 2015 г. на юбилейной сессии ООН была принята Резолюция 70/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В рамках этой международной инициативы были определены 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) и 169 задач, достижение и выполнение которых должно способствовать решению важнейших проблем, стоящих перед человечеством. Для оценки прогресса в достижении ЦУР, была разработана система индикаторов, общим числом 232¹. Очевидно, что даже поверхностный анализ динамики такого большого числа количественных показателей отдельно взятой страны (тем более, групп стран) является проблематичным.

Для того, чтобы преодолеть эту проблему, Сетью организаций для выработки решений, способствующих устойчивому развитию (далее, SDSN), созданной по инициативе Генерального Секретариата ООН, предложен неофициальный индекс оценки результатов стран в деле достижения Целей устойчивого развития, т.н. индекс достижения ЦУР (SDG Index)².

В соответствии с методикой SDSN, в индексе учитываются значения каждого (из числа включенных в анализ) индикатора по каждой из 17 целей, после чего на следующем этапе обобщаются результаты всех ЦУР. Важно подчеркнуть, что принимаемое во внимание при расчёте индекса количество показателей заметно меньше официального числа определенных ООН в качестве таковых. Например, в 2019 г. оно составляло 86 (105 для ряда стран ОЭСР). По сообщениям авторов индекса достижения ЦУР, для анализа прогресса по каждой из 17 целей рассматривается около 5 показателей [Lafortune et al. 2018: 14].

Характерной особенностью расчёта индекса достижения Целей устойчивого развития, о которой нельзя не упомянуть, является то, что и на уровне оценки прогресса по отдельным целям, и на этапе расчёта итогового значения индекса для всех компонент используются одинаковые веса.

В соответствующем подробном руководстве по расчёту индекса ЦУР в связи с этим уточняется, что на более низком уровне обобщения индикаторов

---

¹ Global indicator framework adopted by the General Assembly (A/RES/71/313) including annual refinements contained in E/CN.3/2018/2 (Annex II) and E/CN.3/2019/2 (Annex II) // United Nations Statistical Department: website. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/indicators-list> (date of access: 2020-02-23).

² Важно обратить внимание на то, что на русский язык название индекса примерно одинаково часто переводят как «индекс ЦУР», «индекс достижения ЦУР», так и «индекс прогресса в области ЦУР». В дальнейшем будет использован второй вариант перевода, потому, что он, с одной стороны, адекватно отражает содержание показателя и, с другой, как достаточно компактный.

для оценки прогресса по отдельной взятой цели одинаковые веса для всех количественных характеристик используются потому, что остальные методы присвоения весов ещё менее пригодны для решаемых задач [Lafortune et al. 2018: 20]. Аргументация выбора одинаковых весов для каждой из Целей устойчивого развития при расчёте итогового значения индекса достижения ЦУР ещё более простая: отмечается, что в соответствии с содержанием документа «Преобразование мира. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» все 17 целей рассматриваются как одинаково важные [Lafortune et al. 2018: 20].

Даже с использованием методики рассматриваемого индекса, оценка результативности отдельных государств в деле достижения ЦУР сопряжена с рядом трудностей. Так, далеко не по всем показателям, на основе которых рассчитывается индекс, статистические данные представлены в нужном объеме.

Кроме того, сами авторы индекса достижения ЦУР прямо указывают, что результаты оценок величины индекса за отдельные годы непригодны для прямых сопоставлений [Sachs et al. 2019: 19].

С ограничениями подобного рода, а также с дискуссионностью некоторых, упомянутых выше вопросов методики расчёта индекса достижения ЦУР (в частности, использования одинаковых весов для всех компонент анализа на каждом из двух уровней агрегирования результатов), видимо, надо связывать то, что в ежегодных публикациях «Sustainable Development Report» специально подчёркивается: взгляды, представленные в докладе не отражают взглядов агентств, организаций или программ ООН.

Таким образом, необходимо иметь в виду, что использованный для анализа глобальный индекс достижения ЦУР был и остаётся неофициальной интегральной характеристикой прогресса в этой области.

В то же время, SDSN, безусловно, является группой близкой к ООН и есть достаточно оснований считать её оценки заслуживающими рассмотрения. Кроме того, важно отметить, что – несмотря на спорность отдельных принципов расчёта индекса и нехватку статистических сведений, лежащих в его основе, – других подобных оценок на сегодняшний день нет.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Динамика ВВП. Как отмечалось в предыдущем разделе работы, в нашем распоряжении имелось несколько вариантов оценки экономической динамики Азербайджана: Межгосударственного статистического комитета СНГ, Всемирного банка и Международного валютного фонда. Эти данные приведены в Таблице 1.

Необходимо уточнить: в ряде случаев оценки изменения ВВП по двум или даже всем трём источникам различаются довольно существенно, причём не только по величине, но и по направлению изменений. Например, в 2011 г. по данным Всемирного банка и МВФ ВВП Азербайджана был на 1,57% ниже, чем в 2010 г., тогда как по данным Статкомитета СНГ в 2011 г. в стране имел место

хоть и незначительный, но рост: 0,1%. Также и в 2017 г. по данным Статкомитета СНГ и МВФ ВВП страны вырос примерно на 0,15-0,2%, а по оценке специалистов Всемирного банка ВВП сократился примерно на эту величину: -0,28%.

Такого рода различия в оценке экономических изменений, безусловно, нельзя игнорировать полностью. Однако для настоящей статьи, целью которой является освещение общих тенденций, они не носят принципиального характера, т.к. не влияют существенно на динамику ВВП.

Таблица 1. Темпы роста ВВП Азербайджана в 1991-2019 гг.¹

	Статкомитет СНГ	Всемирный банк	МВФ
	1	2	3
1991	-0,70	-0,70	Нет данных
1992	-22,60	-22,60	Нет данных
1993	-23,10	-23,10	-23,098
1994	-19,70	-19,70	-19,673
1995	-11,80	-11,80	-13,027
1996	1,30	1,30	2,531
1997	5,80	5,80	8,884
1998	10,00	10,00	6,007
1999	7,40	7,40	11,396
2000	11,10	11,10	6,227
2001	9,90	9,90	6,486
2002	10,60	9,44	9,439
2003	11,20	10,21	10,208
2004	10,20	9,25	9,254
2005	26,40	27,96	27,962
2006	34,50	34,47	34,466
2007	25,00	25,46	25,463
2008	10,80	10,59	10,591
2009	9,30	9,37	9,369
2010	5,00	4,79	4,789
2011	0,10	-1,57	-1,573
2012	2,20	2,20	2,203
2013	5,80	5,84	5,843
2014	2,80	2,80	2,798
2015	1,10	1,05	1,05
2016	-3,10	-3,06	-3,064
2017	0,20	-0,28	0,154
2018	1,50	1,41	1,5
2019	2,20	Нет данных	2,25

¹ Подсчитано и составлено по: [25 лет... 2016]; World Development Indicators // The World Bank: website. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (date of access: 2020-05-05); World Economic Outlook Databases // International Monetary Fund: website. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2020/01/weodata/index.aspx> (date of access: 2020-04-05).

Относительные изменения ВВП (в целом и на душу населения) Азербайджана по данным Всемирного банка отражены на графике рис. 1.

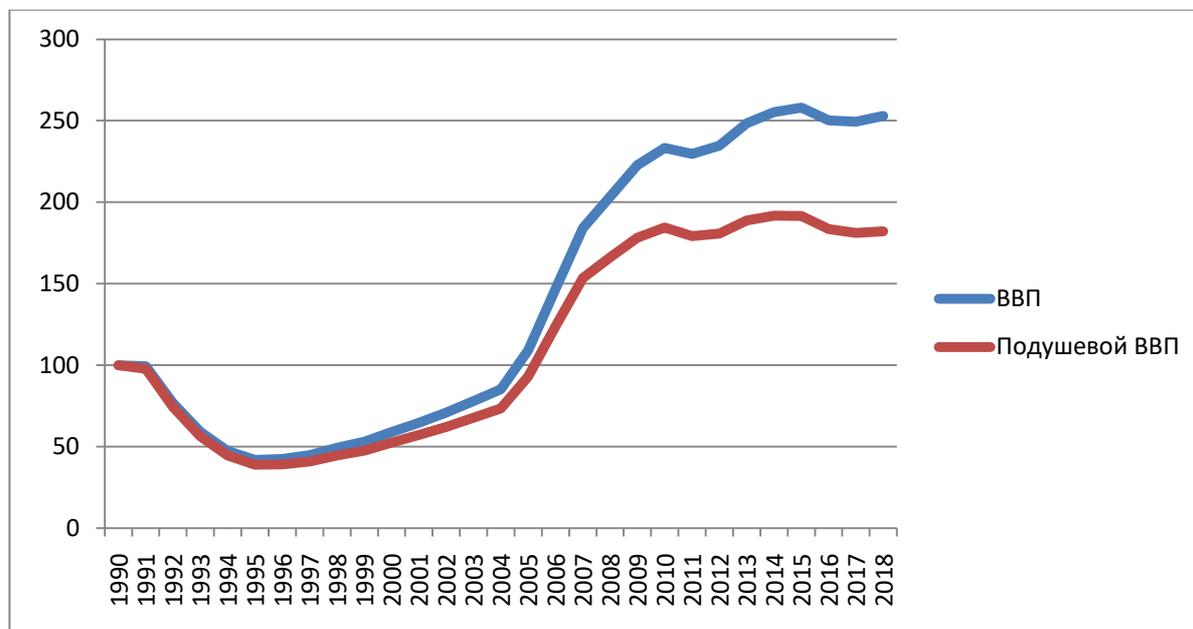

Рис. 1. Динамика всего и подушевого ВВП Азербайджана в 1990-2018 гг. по данным Всемирного банка, % (1990=100%)¹

Как было сказано, различия в оценках ВВП имевшихся в нашем распоряжении трёх источников не различались принципиально (по-крайней мере, они несущественны для целей данной работы). Сведения базы данных Всемирного банка особенно удобны тем, что там содержится статистика всего и подушевого ВВП начиная с 1990 г. – наилучшего года для многих отраслей народного хозяйства Азербайджана за весь советский период, т.к. именно к этому времени различные показатели производства достигли наибольших значений. Уже в 1991 г. значения индикаторов были ниже, а в первые годы независимого развития нового государства они стали сокращаться быстрыми темпами. Это и некоторые другие обстоятельства, отмеченные в соответствующей части раздела «Методы», делают целесообразным использование 1990 г. в качестве базового. Формат данных о темпах экономического роста (в целом и на душу населения) Азербайджана, представленных в базе данных Всемирного банка позволяет рассчитать и представить относительные изменения.

До середины 1990 годов ВВП Азербайджана резко снижался (в среднем, на 15-16 % год). Однако, уже с 1996 г. начался восстановительный этап, хотя темпы роста были почти вдвое меньше темпов снижения в 1991-1995 гг. Итогом этого процесса было полное восстановление к середине 2000-х гг. до уровня 1990 г. и даже его превышение – 109%. Таким образом, начиная с 2005 г. можно говорить о поствосстановительном росте. Заметим что в плоть до 2010

¹ Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (date of access: 2020-05-05).

г. темпы роста ВВП были исключительно высокими: в среднем, на 19% в год. В 2011 г., по сравнению с 2010 г., ВВП снизился на 1,5%, однако уже в 2012 г. восстановился до уровня 2011 г. и даже несколько его превысил. Далее, рост продолжился вплоть до 2015 г., а затем показатель снизился на 3% в 2016 г. В 2017 г. снижение продолжилось, но в 2018 г. был отмечен рост, вернувший значение ВВП на уровень 2013–2014 гг. – примерно 250% от величины показателя 1990 г.

Хотя, как уже отмечалось, различия между показателями экономического роста разных источников были незначительны, имеет смысл специально рассмотреть динамику ВВП по данным другого источника – Межгосударственного статистического комитета СНГ, – которые особенно «удобны» тем, что на их основе можно рассчитать изменения показателя начиная с 1990 г. (первые оценки темпов роста ВВП в базе данных МВФ имеются лишь начиная с 1993 г. и, соответственно, только на их основе нельзя рассчитать динамику используя в качестве базового 1990 г.).

Если не вдаваться в детали, можно сказать что сведения Статистического комитета СНГ демонстрируют такую же динамику, как и те, что содержатся в базе данных Всемирного банка. В частности, начиная с 1990 г. до середины 1990-х гг. шло снижение ВВП. Довольно принципиальное отличие от сведений Всемирного банка состоит в том, что вплоть до 2015 г. ВВП Азербайджана рос непрерывно, хотя темпы этого роста не всегда были одинаковыми. В 2016 г., впервые после 1995 г., значение ВВП оказались ниже, чем в предыдущем году (на 3,1%). В следующие три года темпы роста были не очень высокими (до 2,2%), однако в итоге к 2019 г. по данным Статкомитета СНГ ВВП Азербайджана достиг наибольших значений и составил почти 275% от уровня 1990 г.

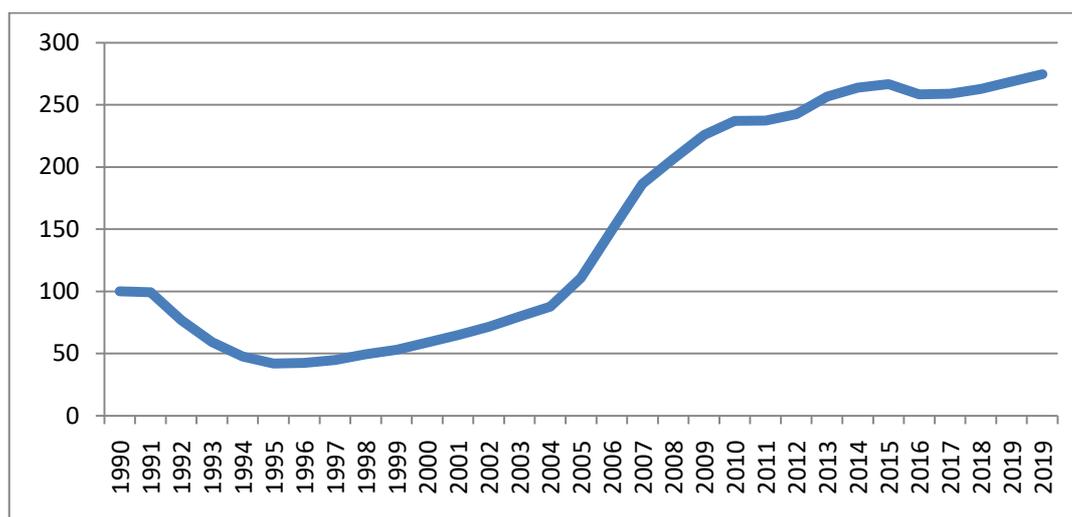

Рисунок 2. Динамика ВВП Азербайджана в 1990-2018 гг. по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, % (1990=100%)¹

¹ Построено по данным: [25 лет... 2016]; Основные показатели социально-демографической статистики // Межгосударственный статистический комитет СНГ: сайт. URL: http://www.cisstat.com/rus/macro/chislen_pop.pdf (дата обращения: 2020-05-10).

Структура ВВП. Структура ВВП Азербайджана за годы независимого развития претерпела существенные изменения.

Относительно ожидаемым было сокращение доли сельского и лесного хозяйства, а также рыболовства в общей величине ВВП страны. Подобная тенденция наблюдалась у десятков других государств мира. Однако специфической особенностью рассматриваемого национального хозяйства оказалось значительное расширение вклада в ВВП промышленности, при относительно «стабильной» на протяжении всего рассматриваемого периода доли сферы услуг (см. гистограмму рис. 3).

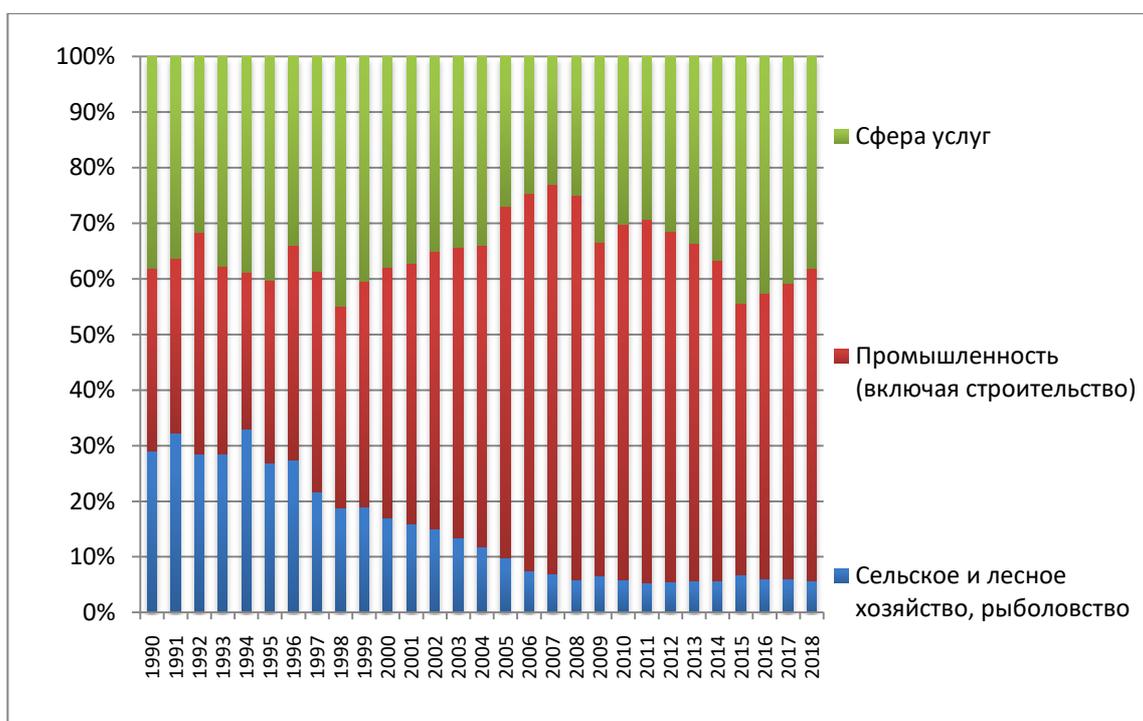

Рисунок 3. Секторальная структура ВВП Азербайджана в 1990-2018 гг.¹

Такое преобладание было типичным для многих стран – крупных экспортёров нефти и газа. Например, в 1990-2018 гг. доля промышленности ежегодно в среднем составляла в Венесуэле 46%, в Саудовской Аравии – 54%, в Омане – 55%, в Ираке – 62% (см. рис. 11).

На гистограмме рисунка 4 приведены данные о доле в ВВП продукции обрабатывающей промышленности.

¹ Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (date of access: 2020-05-05).

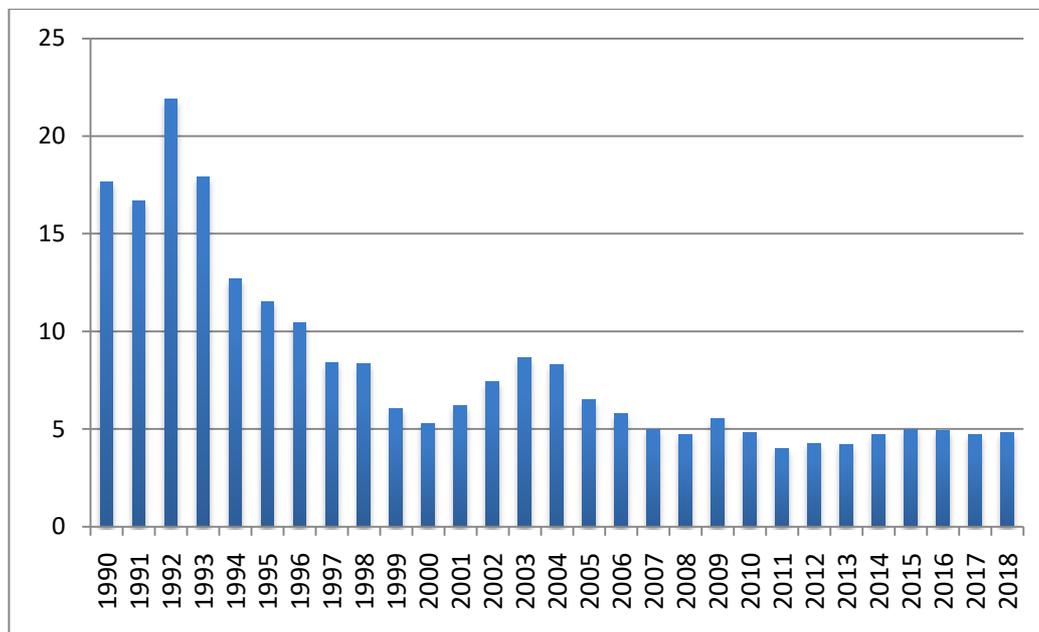

Рисунок 4. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП Азербайджана в 1990-2018 гг., %¹

Более чем трёхкратное сокращение доли продукции обрабатывающей промышленности, на фоне роста совокупного объёма промышленности, довольно красноречиво свидетельствует о том, за счёт чего произошли указанные в предыдущем абзаце изменения. Очевидно, что важную роль здесь сыграла ценовая конъюнктура мирового рынка углеводородных энергоносителей: с 1993 по 2012 гг. стоимость барреля нефти возросла с 16,8 до 105 долл. США².

Численность населения. Как было указано ранее, в случае с демографическими показателями обычно целесообразно обращаться к национальной статистике. Для анализа были использованы данные Государственного комитета по статистике Азербайджанской республики.

Азербайджан является единственной страной Южного Кавказа, где численность населения в постсоветский период непрерывно росла. Как следует из графика рисунка 5, численность населения страны в 1995-2019 гг. увеличилась с 7643,5 тыс. до 9981,5 тыс. человек, т.е. почти на 31 %. Среднегодовой прирост за этот период составлял 1,1%.

Соотношение мужчин и женщин в общей численности населения на протяжении всего периода оставалось практически одинаковым (см. рис. 5).

¹ Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (date of access: 2020-05-05).

² World Bank Commodity Price Data (The Pink Sheet) // The World Bank: website. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/226371486076391711/CMO-Historical-Data-Annual.xlsx> (date of access: 2020-05-02)

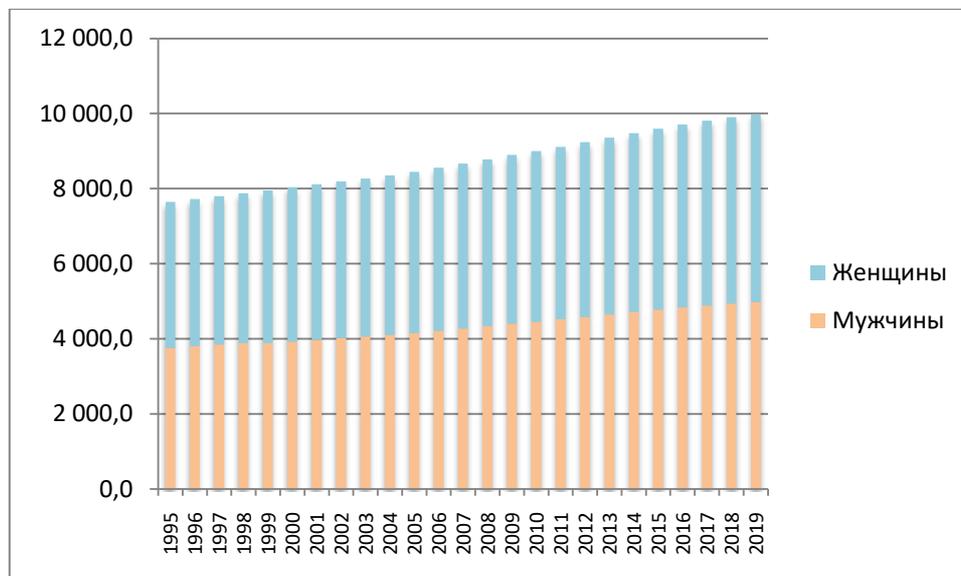

Рисунок 5. Численность и гендерная структура населения Азербайджана в 1995-2019 гг., тыс. человек¹

Как следует из данных рисунка 6, уже в 1995 г. доля городского населения была выше сельского – 52,4%.

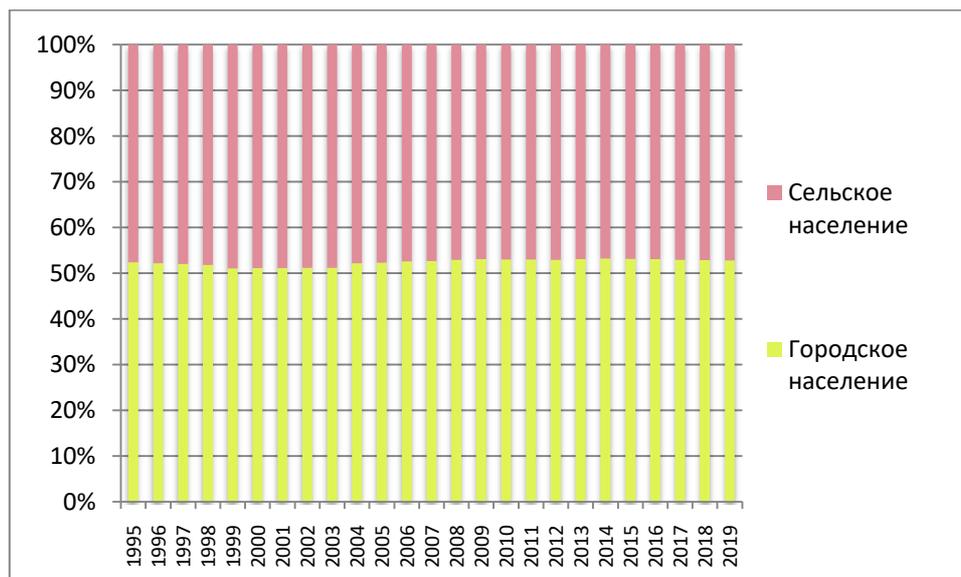

Рисунок 6. Соотношение численности городского и сельского населения Азербайджана в 1995-2019 гг., %²

¹ Построено по: Demographic Indicators // Azerbaijan Statistical Information Service: website. URL: <https://www.azstat.org/portal/tblInfo/TblInfoList.do#> (date of access: 2020-05-11).

² Ibid.

На протяжении последующих 25 лет городское население численно преобладало, хотя в отдельные периоды его доля бывала как выше, так и немного ниже, чем в 1995 г. В целом, поскольку на протяжении 1995-2019 гг. относительная величина городского населения оставалась в диапазоне 51-53%, можно говорить, что скорость процесса урбанизации была незначительной.

Экономически активное население. Как уточнялось ранее, экономически активное население – мужчины и женщины способные (по возрасту и состоянию здоровья) и желающие работать, вне зависимости от их статуса занятости.

Как видно из данных, представленных на графике рисунка 7, за весь период наблюдений доля экономически активного населения колебалась в довольно обширном диапазоне: 47,5-54,5% от общей численности населения. Причём, изменения такого масштаба произошли всего за один – 1999 – год. Трудно с определенностью говорить о причинах столь значительных колебаний в конце 1990-х гг. Возможно, дело в стремлении части населения выйти из теневого сектора; например, в силу совершенствования налогового и трудового законодательства, либо желания иметь дополнительный источник средств к существованию (в виде пособия по безработице), вследствие международного финансово-экономического кризиса 1998 г. Более вероятно, что имела место комбинация различных факторов. Нельзя исключать и того, что довольно резкий рост значений в 1998-1999 гг. был связан с определенными изменениями в методике расчёта данного показателя.

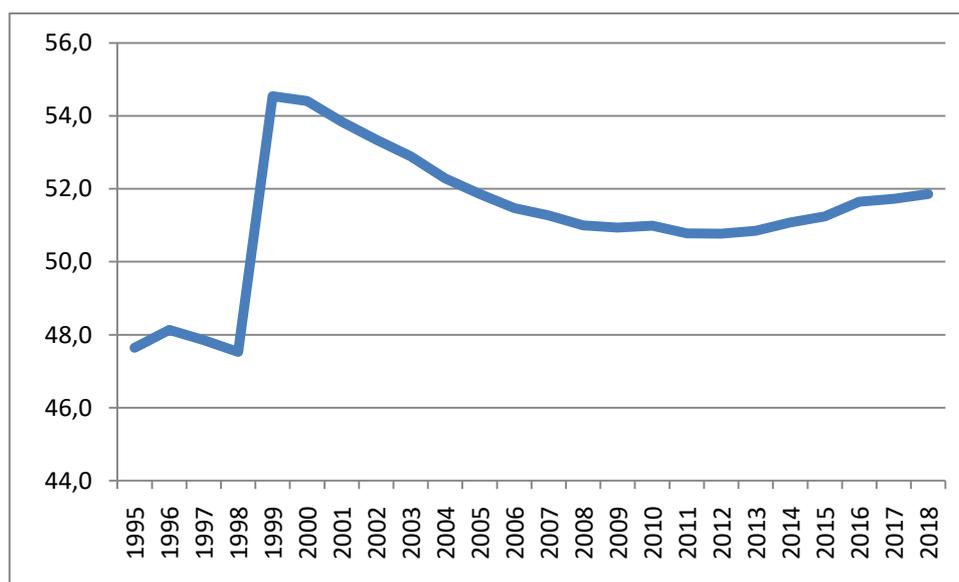

Рисунок 7. Доля экономически активного населения в общей численности населения Азербайджана в 1995-2018 гг., %¹

¹ Построено по: Economic activity of population // Azerbaijan Statistical Information Service: website. URL: <https://www.stat.gov.az/source/labour/?lang=en> (date of access: 2020-04-05).

Секторальная структура занятости. Как следует из данных рис. 8, в начале рассматриваемого периода в сельском хозяйстве и в сфере услуг работало примерно одинаковое число людей: 43 и 44 % всех занятых. Доля работавших в промышленности была почти в три с половиной раза меньше – 12,6%. На протяжении последующих трёх десятилетий доля занятых в сельском хозяйстве постепенно сокращалась, а доля работавших в сфере услуг медленно возрастала. В 2019 г. различия были уже довольно значительными: в сельском хозяйстве было занято 35,9 %, а в сфере услуг – 49,3 %. Таким образом, за прошедшие 29 лет доля занятых в сфере услуг стала больше доли занятых в сельском хозяйстве более чем на треть. Доля занятых в промышленности с 1991 по 2019 гг. также возросла, но не значительно – примерно на два с половиной процентных пункта – и составила 14,9%.

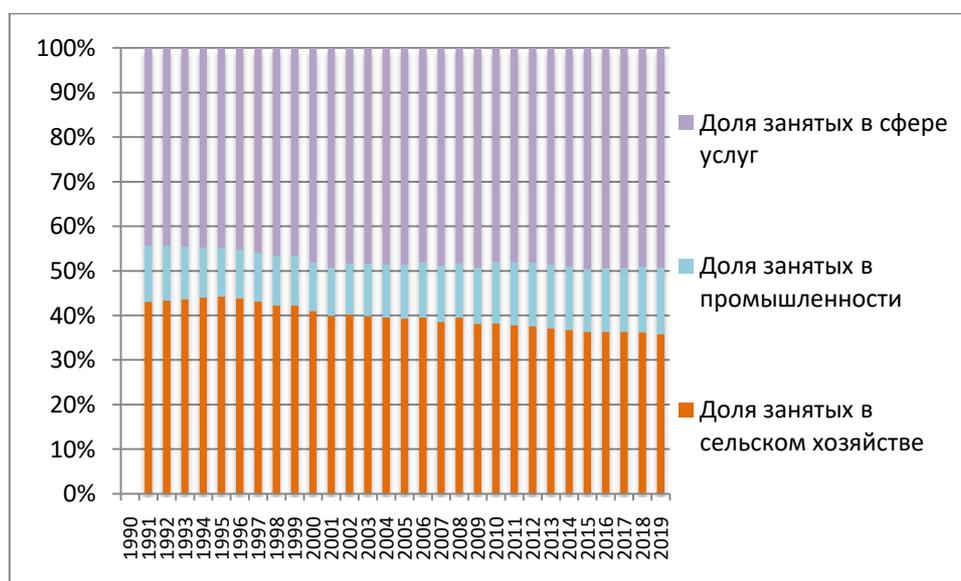

Рисунок 8. Секторальная структура занятости Азербайджана в 1990-2019 гг.¹

Переводы трудовых мигрантов. Как было отмечено в соответствующей части раздела «Методы», определить точное число трудовых мигрантов довольно сложно, т.к. не всегда можно надёжно установить каковы цели выезда граждан за рубеж. Частично компенсируют нехватку подобных данных имеющиеся в нашем распоряжении оценки денежных переводов физических лиц в страну из-за рубежа. Этот показатель позволяет получить представление о «результативности» усилий тех, кто выезжает за рубеж с целью осуществления трудовой деятельности.

¹ Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (date of access: 2020-05-05).

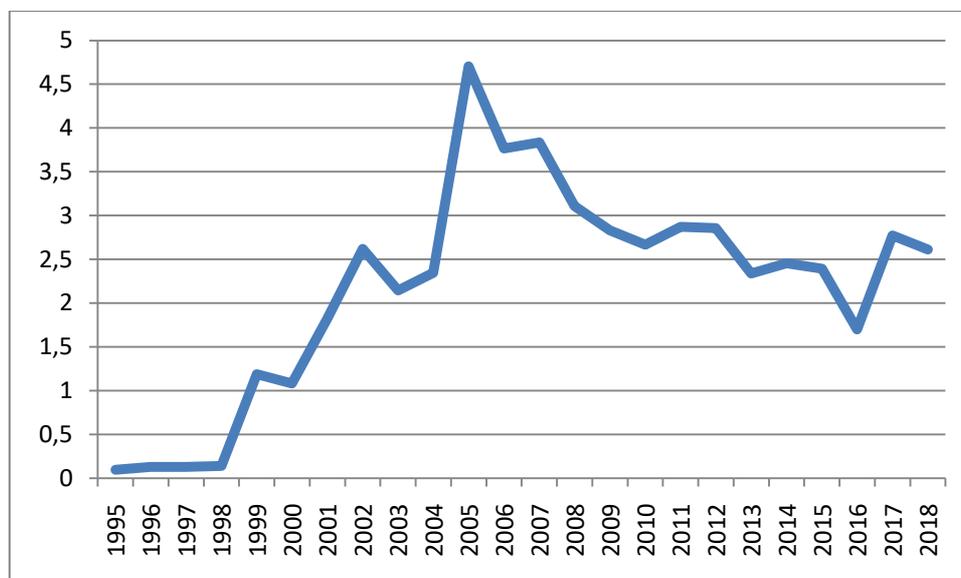

Рисунок 9. Доля полученных из-за рубежа денежных переводов физическим лицам в Азербайджане относительно величины ВВП, %¹.

Величина переводов мигрантов относительно ВВП на протяжении рассматриваемого периода колебалась довольно значительно: от скромных сотых долей процента до почти 5% ВВП. В самом общем виде динамику этого показателя можно характеризовать следующим образом: довольно стремительный (хотя не всегда последовательный) рост с середины 1990-х до середины 2000-х гг., пик в 2005 г., затем постепенное снижение и в дальнейшем, начиная с 2008-2009 гг., колебание в пределах 2-3% от величины ВВП.

Небезынтересно сравнить эти значения показателя Азербайджана с другими странами мира. В начале рассматриваемого периода, т.е. в 1995 г., среди 136 стран ранжированных по убыванию величины переводов трудовых мигрантов относительно ВВП, Азербайджан находился на 113 месте. Спустя 5 лет, в 2000 г., когда значение показателя составляло 1,08% ВВП, Азербайджан оказался, фактически, в середине списка из 150 стран, по которым были доступны данные.

В 2005 г., когда размеры переводов мигрантов достигли наибольших (относительно ВВП) значений, Азербайджан находился уже на 45-м месте среди 167 стран. Ещё через 5 лет, в 2010 г. Азербайджан занимал семьдесят пятую строчку в мировом рейтинге 179 стран по относительной величине переводов. Наконец, в 2018 г., когда значение рассматриваемого показателя Азербайджана составляло 2,61%, относительная величина переводов мигрантов оказалась примерно равной медианному значению – 2,38%.

¹ Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (date of access: 2020-04-19).

Небезынтересно отметить, что, скажем, в 2010 г. абсолютный объём денежных переводов Азербайджана (1,41 млрд долл. США) был вполне сопоставим с показателем Киргизии (1,27 млрд долл. США). При этом величина денежных переводов относительно ВВП у этих стран разительно отличалась: Киргизия занимала второе (!) место в мировом рейтинге и доля переводов составляла около 26% ВВП, тогда как Азербайджан с его 2,7% ВВП находился, напомним, на 75-м месте.

Принимая во внимание то, что переводы трудовых мигрантов из-за рубежа безусловно влияют на благосостояние их семей [Migration... 2016: VII], вызывают немалые опасения прогнозы, сделанные в апреле 2020 г. экспертами Всемирного банка. В частности, ожидается, что из-за последствий пандемии COVID-19, а также по причине снижения мировых цен на нефть, общемировой объём переводов трудовых мигрантов в 2020 г. сократится примерно на 28%¹. С другой стороны, авторы этих оценок отмечают, что стоимость переводов из России в Азербайджан (где работает основная часть азербайджанских трудовых мигрантов) остаётся наименьшей среди всех включенных в анализ направлений переводов², что, пожалуй, хотя бы отчасти может компенсировать негативные последствия указанных изменений.

Индекс человеческого развития. Как было отмечено, в разделе «Методы», при многих преимуществах ВВП как интегральной характеристики экономического развития, его недостатком является то, что об уровне и условиях жизни он даёт лишь косвенное представление. Многие исследователи исходят из логики «чем выше подушевой ВВП страны, тем, должно быть, лучше условия жизни её граждан», что хотя и близко к действительности, но не даёт точной картины происходящего.

В этом смысле, ИЧР, в силу своего содержания, позволяет получить более глубокое, чем интегральные показатели системы национальных счётов (ВВП, ВНД и пр.) представление о национальном развитии. Именно для этого он был разработан и подсчитывается сегодня. Так, в разделе сайта Программы развития ООН, посвященном публикациям о человеческом развитии прямо указывается, что одной из ключевых задач Управления по составлению докладов о развитии человеческого потенциала является переключение внимания исследований в области экономики развития со способов подсчётов национального дохода на политику, в центре которой находятся интересы людей³.

На сайте Программы развития ООН, в разделе «Human Development Reports» (см. <http://hdr.undp.org/en/data>) есть данные о значениях индекса в 1990-х – 2010-х гг. по большинству стран и территорий мира.

---

¹ World Bank Predicts Sharpest Decline of Remittances in Recent History. PRESS RELEASE APRIL 22, 2020 // The World Bank: website. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/22/world-bank-predicts-sharpest-decline-of-remittances-in-recent-history> (date of access: 2020-05-02).

² Ibid.

³ Human Development Reports // United Nations Development Programme: website. URL: <http://hdr.undp.org/en> (date of access: 2020-05-23)

По состоянию на май 2020 г., данные о величине ИЧР по Азербайджану имелись с 1995 по 2018 гг. Динамика показателя представлена на графике рисунка 10.

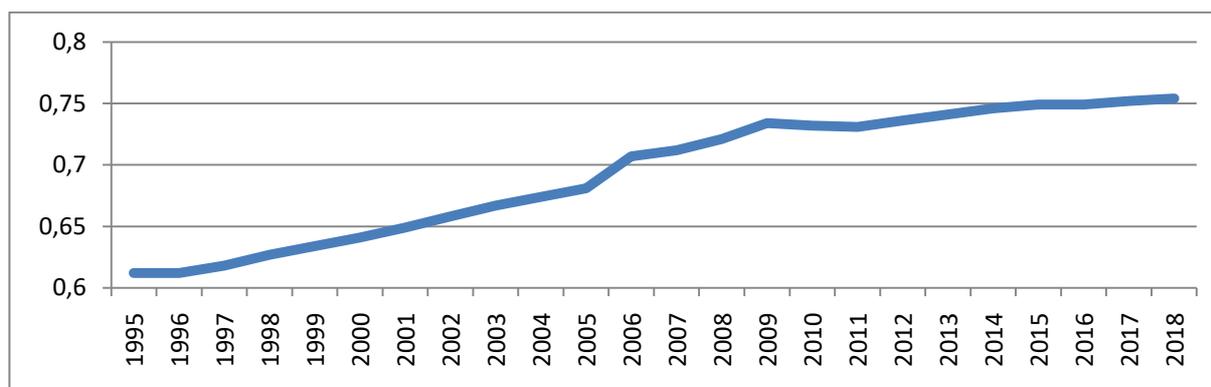

Рисунок 10. Динамика индекса человеческого развития Азербайджана в 1995-2018 гг.¹

Как следует из графика, на протяжении большей части лет значения ИЧР Азербайджана возрастали, правда, разными темпами. Единственным в своём роде исключением является 2011 г., когда показатель оказался незначительно ниже, чем в 2010 г.: 0,731 и 0,732, соответственно.

При этом, в указанной публикации ПРООН «Индексы и индикаторы человеческого развития: Обновленные статистические данные 2018, ООН, Нью-Йорк» (которая, фактически, является Докладом о человеческом развитии за 2018 г.) по Азербайджану за целый ряд лет представлены данные довольно существенно отличающиеся от аналогичных расчётов по данным Доклада о человеческом развитии 2019 г. Ниже представлена таблица 2, отражающая количественные характеристики различий.

Таблица 2. Значения ИЧР по данным разных изданий²

		2000	2010	2012	2014	2015	2016	2017
«Индексы и индикаторы человеческого развития 2018»	а	0,640	0,740	0,745	0,758	0,758	0,757	0,757
«Доклад о человеческом развитии 2019»	б	0,641	0,732	0,736	0,746	0,749	0,749	0,752

Уместно отметить, что в соответствии с особенностями применяемой методики, для большинства стран в величине ИЧР не считаются статистически

¹ Построено по: Human Development Data (1990-2018) // United Nations Development Programme: website. URL: <http://hdr.undp.org/en/data> (date of access: 2020-05-23).

² Составлено по: [Индексы... 2018: 27; Доклад... 2019: 305].

значимыми в четвертом десятичном разряде и поэтому «странам, у которых значения ИЧР равнозначны до третьего десятичного разряда, присваивается один и тот же рейтинг» [Индексы... 2018: 17]. Однако, вне зависимости от того какую меру точности расчётов считать приемлемой, содержащиеся в таблице 2 данные являются своего рода предостережением для исследователей: как и в случае с любыми количественными оценками, при анализе динамики ИЧР важно принимать во внимание различия разных источников сведений.

Индекс достижения целей устойчивого развития. Как было отмечено в соответствующей части раздела «Методы», для анализа результатов в области устойчивого развития будет использован один интегральный показатель – индекс достижения ЦУР (SDG Index). В таблице 3 приведены данные о величине показателя Азербайджана в 2016-2017 гг., а также место страны в мировом рейтинге по величине индекса достижения Целей устойчивого развития.

Таблица 3. Значения и место Азербайджана в мировом рейтинге индекса достижения Целей устойчивого развития в 2016-2019 гг.¹

<i>Год</i>	<i>Место в рейтинге</i>	<i>Значение индекса ЦУР</i>
2016	65 (среди 149 стран)	61,34
2017	48 (среди 157 стран)	70,8
2018	45 (среди 156 стран)	70,8
2019	59 (среди 162 стран)	70,5

Как было отмечено в «Методах», более информативным является рассмотрение места страны в мировом рейтинге, т.к. это, по крайней мере, даёт представление о результативности усилий в области устойчивого развития относительно других государств и территорий. Если «нормировать» ранговые позиции, то видно, что место Азербайджана по величине индекса улучшалось в 2016-2018 г., но в 2019 г. было хуже, чем в 2017 г., хотя всё ещё оставалось лучше, чем в 2016 г.

Поскольку методика расчёта индекса из года в год совершенствуется и уточняется, прямые сопоставления его значений за разные годы не имеют практического смысла. Однако, разбивая для удобства рейтинг на равные части с помощью значений процентилей, можем получить представление о том, как менялось место страны в мировом рейтинге. На протяжении всего периода наблюдений (т.е. в 2016-2018 гг.) Азербайджан находился во второй четверти рейтинга, между медианным значением и третьим квартилем. Стоит отметить, что в 2016 г. значения были ближе к медианному значению рейтинга, в 2017 и 2018 гг. – третьему квартилю, а в 2019 г. – находились примерно между вторым и третьим квартилями.

¹ Составлено по: [Sachs et al. 2016: 16; Sachs et al. 2017: 150; Sachs et al. 2018: 98; Sachs et al. 2019: 100].

ОБСУЖДЕНИЕ

В предыдущем разделе были представлены количественные характеристики изменений в различных сферах народного хозяйства Азербайджана на протяжении почти трёх десятилетий его независимого развития. В ряде случаев имеющиеся данные дают довольно полное представление о состоянии дел. Однако, некоторые наблюдения и выводы нуждаются в дополнениях.

Структура ВВП и структура занятости населения по секторам экономики. Динамика ВВП, рассмотренная в предыдущем разделе, отражает только стоимостной размер экономики и мало, что может сказать об изменениях качественного характера. В частности, восстановление к середине 2000-х гг. всего и душевого ВВП Азербайджана до их уровней 1990 г., разумеется, не означало, что народное хозяйство страны по своим характеристикам соответствует позднесоветскому периоду. Даже за эти полтора десятилетия, прошедшие после распада СССР в мировой экономике произошли грандиозные сдвиги. В общемировом выпуске промышленности существенно возросла доля высокотехнологичной продукции. Во многом с этим технологическим скачком было связано почти повсеместное увеличение вклада в ВВП третичного сектора, т.к. появились совершенно новые, ранее не существовавшие услуги (например, сотовая связь и интернет). Тем не менее, очевидно, что не только с таких рода изменениями связано повышение доли сферы услуг в Азербайджане за отдельные годы. Так, целый ряд видов хозяйственной деятельности стал «более дорогим»; например, медицина или услуги ЖКХ. Имел место и рост фактического объема существовавших ранее услуг, например, в сфере ремонта автомобилей и бытовой техники (в связи с увеличением соответствующих товаров длительного пользования). Наконец, как уже говорилось, появились и прочно вошли в жизнь совершенно новые виды услуг, в частности, информационно-коммуникационных. Впрочем, чтобы выявить «чистый эффект» от появления этих услуг в произошедших структурных изменениях (т.е. оценить какую часть составляют принципиально новые услуги, а какую те, что были и раньше, но после 1991 г. стали более распространенными и/или более дорогими) необходимо более глубокое изучения вопроса.

Небезынтересно сопоставить имеющиеся данные о структуре производства ВВП Азербайджана с показателями других стран. Для этого на гистограмме рис. 11 представлены сведения о доле сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг ряда стран, которые как и Азербайджан являются крупными экспортёрами нефти и газа.

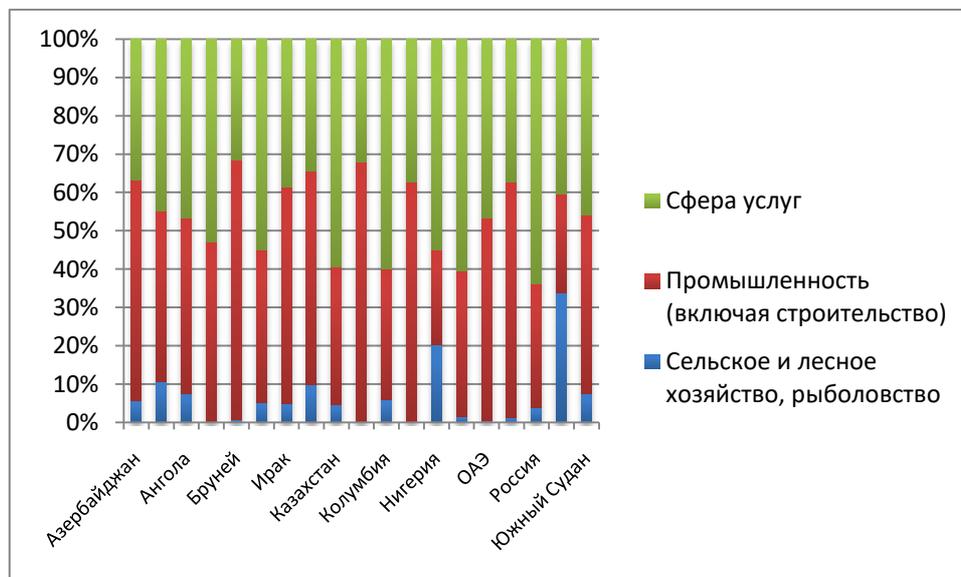

Рисунок 11. Структура ВВП некоторых стран-экспортёров нефти и газа в 2014 г.¹

Для сравнения выбран 2014 г., т.к. это самый поздний период, за который имеются необходимые данные по максимальному числу крупнейших стран-экспортёров углеводородных энергоносителей.

Пожалуй, наибольшее сходство структуры ВВП у Азербайджана обнаруживается с Ираком, Оманом и Саудовской Аравией. Если бы не гораздо меньшая, чем у Азербайджана доля сельского хозяйства, то можно было бы говорить и о сходстве с экономиками ОАЭ и Бахрейна, т.к. доля промышленности в этих странах составляет, соответственно, 53% и 47% ВВП.

Хотя сам по себе факт структурного сходства ВВП Азербайджана с отдельными государствами Персидского залива не имеет принципиального значения, тем не менее, подобного рода количественная характеристика может быть полезна при анализе особенностей хозяйственного развития страны.

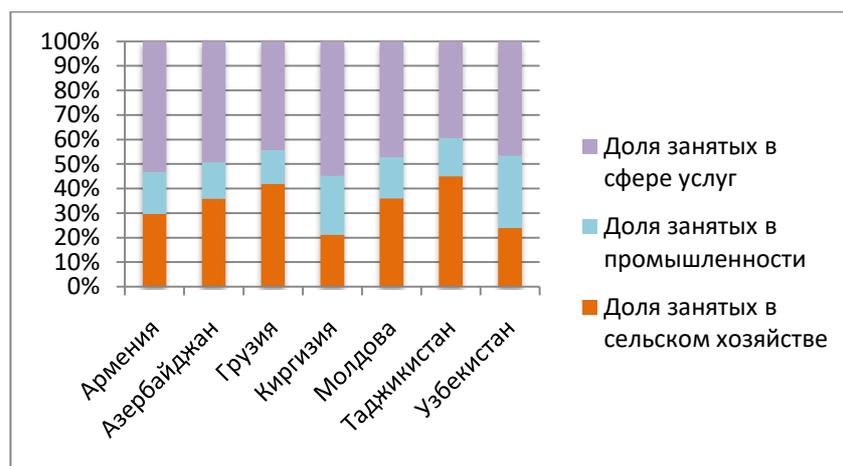
Если секторальная структура ВВП Азербайджана обнаруживает сходством с немалым числом стран-экспортёров нефти и газа, то структура занятости по секторам экономики имеет сходство с гораздо меньшим числом государств указанной группы. Как следует из данных таблицы 4, сходство показателей у Азербайджана здесь наблюдается лишь с Нигерией и Йеменом. Остальные страны в таблице (возможно, за исключением Анголы) имеют существенно более высокие показатели занятых в сфере услуг и гораздо меньшие показатели занятых в сельском хозяйстве, чем у Азербайджана.

¹Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (date of access: 2020-05-05).

Таблица 4. Секторальная структура занятости некоторых стран-экспортёров нефти и газа в 2019 г.¹

	Доля занятых в сельском хозяйстве, %	Доля занятых в промышленности, %	Доля занятых в сфере услуг, %
Азербайджан	35,9	14,9	49,3
Алжир	9,9	30,7	59,4
Ангола	50,4	8,1	41,5
Бахрейн	1,0	35,2	63,8
Бруней	1,4	15,9	82,8
Венесуэла	8,3	16,6	75,1
Ирак	18,1	22,3	59,6
Йемен	29,0	10,0	61,0
Казахстан	15,8	20,5	63,7
Катар	1,2	54,4	44,4
Колумбия	16,6	20,0	63,4
Кувейт	2,0	24,4	73,6
Нигерия	35,1	12,2	52,7
Норвегия	2,1	19,3	78,7
ОАЭ	1,4	34,4	64,2
Оман	4,6	32,8	62,7
Россия	5,8	26,7	67,6
Узбекистан	23,9	29,5	46,6
Южный Судан	56,9	13,9	29,2

В завершение разговора об особенностях секторальной структуры занятости в Азербайджане, нельзя не отметить факт её значительного сходства с отдельными государствами – бывшими советскими республиками (см. рис. 12).

Рисунок 12. Секторальная структура занятости некоторых бывших советских республик в 2019 г.²

¹ Составлено по сведениям МОТ, содержащимся в базе данных Всемирного банка: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (date of access: 2020-05-05).

² Построено по сведениям МОТ, содержащимся в базе данных Всемирного банка: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (date of access: 2020-05-05).

Как следует из содержания диаграммы рис. 12, в 2019 г. сопоставимо высокой была доля трудившихся в сельском хозяйстве у всех стран Южного Кавказа, у трёх – Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, - государств Центральной Азии и у Молдовы. Доля занятых в промышленности здесь варьировалась от 14% у Грузии до 30% у Узбекистана. Наименьшей доля людей работавших в сфере услуг была в Таджикистане (39%), а наибольшей – в Киргизии (55%)

Численность населения. При прочих равных, последовательный рост численности населения страны, пожалуй, может считаться признаком успехов социальной и экономической политики её руководства. В то же время, в нашем распоряжении имеются данные по различным регионам мира, для которых стремительный рост необходимо связывать скорее с общим улучшением в области медицины (например, снижения материнской и детской смертности), а не с эффективностью конкретных национальных стратегий развития. Поэтому более уместной представляется простая констатация самого факта и примерных масштабов демографического роста.

Как следует из приведенных ранее данных Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики, численность населения страны возросла с 1995 по 2018 гг. на 31%. В нашем распоряжении также есть сведения Всемирного банка о темпах роста населения бывших советских республик за несколько десятилетий, представленные в таблице 5. Принимая во внимание сложность точного учёта реальной численности населения, не следует придавать слишком большого значения конкретным цифрам. Тем не менее, не может вызывать сомнения, что показатели Азербайджана – пример хороших результатов на постсоветском пространстве (см. табл. 5). Заметим, что ранговое положение Азербайджана списке, теоретически, может оказаться ещё выше, если принять во внимание дебаты относительно надёжности статистических данных по двум странам первой тройки: Туркмении и Узбекистану.

Таблица 5. Численность и темпы роста населения бывших советских республик в 1990-2018 гг.¹

	1990 г.	2018 г.	Изменение численности населения с 1990 по 2018 гг.
Таджикистан	5 283 814	9 100 837	72,20%
Узбекистан	20 510 000	32 955 400	60,70%
Туркменистан	3 683 967	5 850 908	58,80%
Киргизия	4 391 200	6 315 800	43,80%
Азербайджан	7 159 000	9 942 334	38,90%
Казахстан	16 348 000	18 276 499	11,80%
Россия	148 292 000	144 478 050	-2,60%

¹ Составлено по: Population, total // The World Bank Data: website. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (date of access: 2019-09-09).

Молдова	3 696 000	3 545 883	-4,10%
Беларусь	10 189 000	9 485 386	-6,90%
Украина	51 892 000	44 622 516	-14,00%
Эстония	1 569 174	1 320 884	-15,80%
Армения	3 538 171	2 951 776	-16,60%
Грузия	4 802 000	3 731 000	-22,30%
Литва	3 697 838	2 789 533	-24,60%
Латвия	2 663 151	1 926 542	-27,70%

Важно подчеркнуть, что в случае Азербайджана рост был естественным, т.е. обеспечивался значительным превосходством рождаемости над смертностью, а не иммиграцией, как это имеет место в ряде стран мира.

Сводные индексы. Рассмотрение «структурных характеристик» сводных индексов безусловно представляет большой интерес. Тем не менее, здесь придётся ограничиться обзором составляющих лишь ИЧР, т.к. даже анализ вклада самых крупных компонент интегрального индекса достижения ЦУР – индексов каждой из 17 целей, – довольно затруднителен в рамках статьи из-за значительного их числа. Тем более сложно осветить вклад самых базовых элементов, лежащих в основе этого индекса – индикаторов устойчивого развития: по данным «Доклада об устойчивом развитии 2019», подготовленного Сетью организаций для выработки решений, способствующих устойчивому развитию их число в 2019 г., в зависимости от страны, варьировалось от 85 до 114 [Sachs et al. 2019: 42]. В этом смысле ИЧР гораздо «удобнее». Как уже отмечалось, собственно индекс человеческого развития составляется на основе индексов душевого дохода, долголетия и образования; если быть точнее, ИЧР является средним геометрическим этих трёх индексов. В свою очередь, индекс дохода рассчитывается на основе данных о величине валового национального продукта в расчёте на душу населения, индекс долголетия – на основе сведений об ожидаемой продолжительности жизни и лишь индекс образования – на основе двух показателей: средней и ожидаемой продолжительности обучения. Таким образом, ИЧР формируется на основе значений четырёх базовых показателей.

На диаграмме рис. 13 представлены графики ИЧР и трёх его основных компонент.

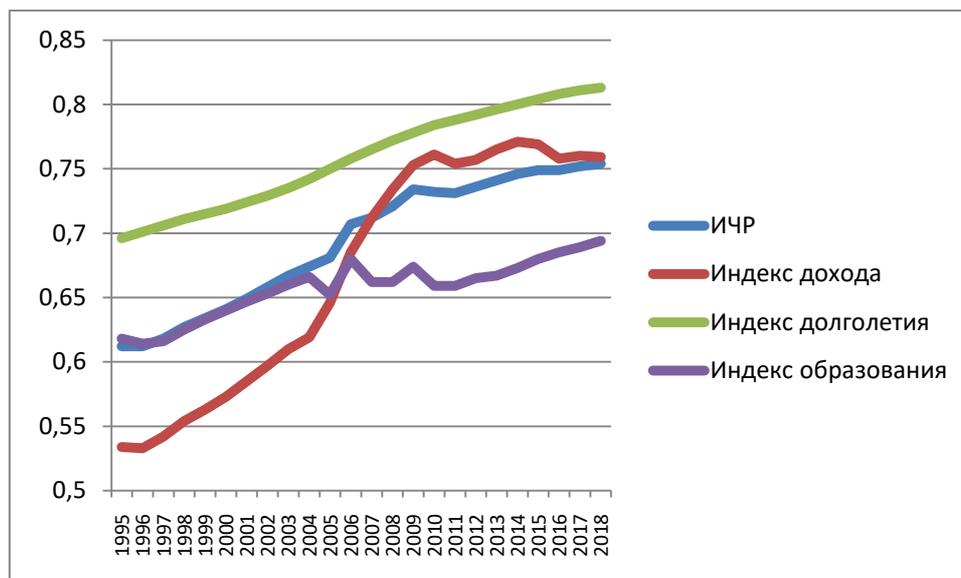

Рисунок 13. Значения ИЧР и его основных компонент в Азербайджане в 1995-2018 гг.¹

Как видно, динамика всех трёх индексов, на основе которых рассчитывалось итоговое значение ИЧР, различалась довольно существенно. Индекс долголетия все годы демонстрировал наибольшие значения. Индекс дохода большую часть рассматриваемого периода рос быстрыми темпами, которые, впрочем, начиная с 2010 г. не только замедлялись, но в ряде случаев были отрицательными; тем не менее в 2018 г. индекс дохода превосходил уровень 1995 г. почти на 42%. Наконец, индекс образования, в целом, демонстрировал схожий с индексом долголетия тренд, хотя в середине и во второй половине 2000-х гг. его значения несколько колебались, то возрастая, то снижаясь.

Таким образом, достаточно устойчивая на протяжении 1995-2018 гг. динамика ИЧР обеспечивалась не столько изначально высокими и продолжавшимися увеличиваться значениями индекса долголетия, сколько преимущественно высокими темпами роста индекса дохода, который в значительной мере компенсировал спад индекса образования.

¹ Построено по: Human Development Data (1990-2018) // United Nations Development Programme: website. URL: <http://hdr.undp.org/en/data> (date of access: 2020-05-23).

Из содержания рис. 14 можно понять причины снижения и замедления темпов роста индекса образования. На графике представлены значения двух индикаторов – ожидаемого и среднего числа лет обучения, – на основе которых формируется индекс образования.

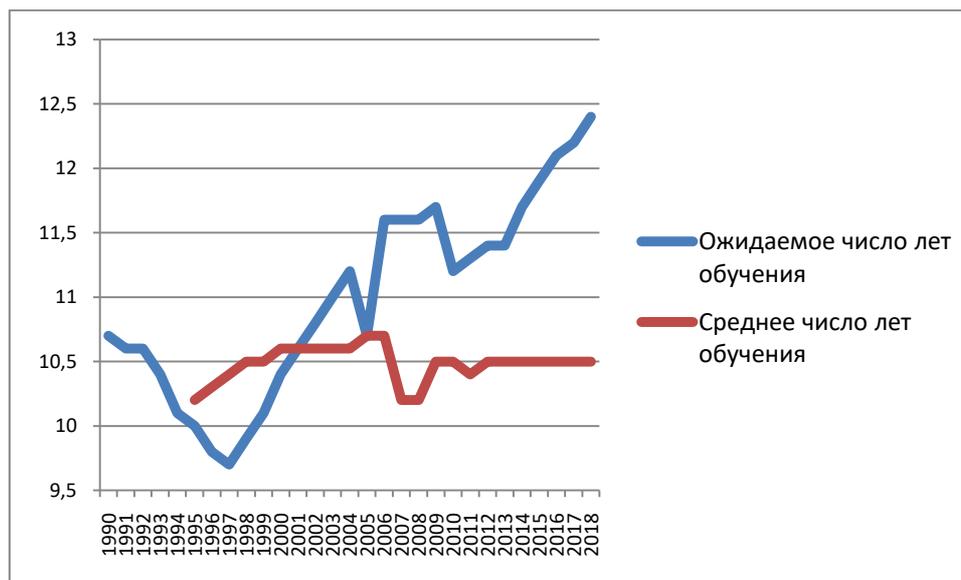

Рисунок 14. Ожидаемое и среднее число лет обучения в Азербайджане в 1990-2018 гг.¹

Уточним, что понимается под каждым из показателей. Ожидаемая продолжительность обучения, в соответствии с разъяснениями «Доклада о человеческом развитии 2019» – это «количество лет образования, которое, как ожидается, может получить ребенок, достигший официально установленного возраста поступления в школу, если в течение его жизни сохранятся преобладающие тенденции в области возрастных показателей охвата населения образованием» [Доклад... 2019: 303]. В свою очередь под средней продолжительностью обучения понимается «среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше, пересчитанное из показателя образовательного уровня населения с учетом официальной продолжительности обучения на каждом уровне образования» [Доклад... 2019: 303].

Как видно из содержания графика рис. 14, в 2006-2007 гг. средняя продолжительность обучения снизилась и в дальнейшем её значения так и не достигли даже уровня 2000 г.

Судя по всему, именно разнонаправленные изменения этих двух индикаторов в конечном итоге и определили довольно противоречивый характер индекса образования Азербайджана во второй половине 2000-х гг. Почти неизменное превышение ожидаемой продолжительности обучения над

¹ Построено по: Human Development Data (1990-2018) // United Nations Development Programme: website. URL: <http://hdr.undp.org/en/data> (date of access: 2020-05-23).

фактической средней продолжительностью обучения на рис. 14, пожалуй, стоит рассматривать как оптимистичную тенденцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы настоящей работы базируются исключительно на изучении официальной (национальной и международной) статистики. Разумеется, такой анализ не может дать полного представления об уровне и условиях жизни людей. Тем не менее, использование статистических сведений имеет преимущества, главное из которых – возможность получить количественные оценки происходивших трансформаций.

Поскольку каждый из рассмотренных в статье индикаторов характеризует положение дел в отдельных сферах народного хозяйства, имеет смысл кратко повторить основные наблюдения.

1. Весь и подушевой ВВП Азербайджана после значительного спада 1990-х гг. не только восстановились к середине 2000-х гг., но и значительно превысили свои докризисные уровни в дальнейшем. Концу 2010-х гг. значение ВВП было выше уровня 1990 г. в 2,5 раза, а подушевого ВВП – в 1,8 раза.

2. Менее впечатляющий рост подушевого ВВП напрямую связан с ростом населения за этот период почти на 40%. Соотношение числа мужчин и женщин в общей численности жителей было практически одинаковым. Городское население лишь незначительно – на 2-3 п.п. – превосходило по численности сельское.

3. С 1990 по 2018 гг. значительно выросла (с 30 до 52%) доля промышленности в ВВП. Подобный рост надо связывать прежде всего с увеличением объема и стоимости продукции добывающей промышленности, т.к. доля обрабатывающей промышленности за этот же период сократилась почти в 4 раза. Доля сельского хозяйства в ВВП к 2018 г. составляла около 5%, однако небольшим (по сравнению со многими странами мира) был и вклад в ВВП сферы услуг.

4. Структура занятости по секторам экономики значительно отличалась от структуры ВВП. На начало рассматриваемого периода в сельском хозяйстве и сфере услуг трудилось примерно одинаковое число людей: около 43-44 %. В промышленности, соответственно, было занято около 12-13 %. В ходе постепенных изменений, в 2019 г. доля занятых в сельском хозяйстве сократилась до примерно 36 %, доля занятых в сфере услуг выросла почти до 50 %, а доля тех кто работал в промышленном секторе увеличилась до 14-15 %.

5. Судя по объемам переводов физических лиц из-за рубежа в Азербайджан, даже к концу 2010-х гг. значительная часть граждан страны всё ещё отправлялась на заработки за границу (прежде всего в Российскую Федерацию).

6. С 1995 по 2018 гг. примерно на четверть возросли значения ИЧР. Анализ его компонент показывает, что подобный рост обеспечивался

возраставшей продолжительностью жизни и особенно показателем подушевого ВНД; при этом показатели образования изменялись разнонаправлено

7. В динамике индекса достижения ЦУР (который призван обобщенно характеризовать интенсивность экономического роста, успехи социального развития, а также результативность в деле сохранения окружающей среды) за 2016-2019 гг. разительных изменений не наблюдалось. Можно ожидать, что данный индекс будет более информативным по мере увеличения периода наблюдений.

Полученные количественные характеристики происходивших изменений можно обобщить следующим образом.

Кратный рост ВВП и значительное увеличение численности населения на протяжении многих лет, как правило, могут считаться свидетельством успехов социально-экономической политики страны. С другой стороны, секторальная структура экономики Азербайджана обнаружила много сходств со структурой народных хозяйств стран-экспортёров нефти и газа, значительная часть ВВП которых формируется за счёт природной ренты, что, заметим, не согласуется с современными представлениями об устойчивом экономическом росте. Большая доля занятых в сельском хозяйстве, наряду с несоизмеримо меньшим вкладом этого сектора в ВВП, не позволяет характеризовать его как высокоинтенсивное. Также и сохраняющееся большое значение для населения денежных переводов от граждан страны, трудящихся за рубежом, по-видимому, свидетельствует о том, что трудовые ресурсы не востребованы национальной экономикой в полном объёме.

Не приходится сомневаться, что в кратко- и среднесрочной перспективе будет сохраняться зависимость Азербайджана от конъюнктуры мирового рынка углеводородных энергоносителей. Разные авторы неоднократно высказывали опасения относительно того, что наличие значительных запасов ископаемого топлива может обернуться для стран экспортёров т.н. «ресурсным проклятием» [Sachs, Warner 1995]. Отдавая должное обоснованности подобных предостережений, напомним, что эти же ресурсы способны обеспечить надёжное поступление доходов в государственный бюджет, которые могут быть использованы для технологической модернизации (в т.ч. для реализации инфраструктурных проектов) в различных отраслях народного хозяйства.

В качестве другого специфического преимущества Азербайджана может рассматриваться численность и структура его трудовых ресурсов. Как следует из данных о масштабах трудовой эмиграции, на сегодняшний день не всем азербайджанцам удаётся найти рабочее место, гарантирующее достойный с их точки зрения заработок, в национальной экономике. Между тем, в отличие от большинства крупных экспортёров нефти и газа, Азербайджан может черпать относительно недорогую рабочую силу в среде своего сельского населения, т.к. соотношение селян и горожан даже к концу 2010-х гг. оставалось примерно паритетным. Потенциальная возможность делать ставку на использование собственных трудовых ресурсов, помимо очевидных положительных социальных последствий, будет иметь важный экономический эффект. Так, в отличие от большинства крупных экспортёров нефти и газа, вынужденных

привлекать работников разного уровня квалификации из-за рубежа, широкая опора на внутренние трудовые ресурсы не повлечёт – неизбежного в случае стран Персидского залива, – утекания значительной части заработка в другие страны в виде переводов мигрантов. При этом, не вызывает сомнения, что выработка стратегических решений по сокращению объёма трудовой эмиграции путём создания достаточного количества новых рабочих мест в экономике Азербайджана потребует от руководства страны значительных организационных усилий и большой политической воли.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

25 лет... 2016 – 25 лет Содружеству Независимых Государств. 1991-2015: статистический сборник / редкол.: гл. ред. – Соколин В.Л. и др. – М.: Статкомитет СНГ, 2016. – 496 с.

Доклад... 2019 – *Доклад* о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. – Нью-Йорк: ПРООН, 2019. – 366 с.

Индексы... 2018 – *Индексы* и индикаторы человеческого развития: Обновленные статистические данные 2018. – Нью-Йорк: ПРООН, 2018. – 111 с.

Карамурзов, Фридман 2011 – *Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А.* Проблемы международных экономических сопоставлений (о некоторых спорных вопросах и расчетах) // *Россия XXI*. – 2011. – № 3. – С. 54-85.

Clark 1940 – *Clark C.* Conditions of Economic Progress. – London: Macmillan, 1940. – 515 p

Fisher 1939 – *Fisher A.G.B.* Production, Primary, Secondary And Tertiary // *The Economic Record*. The Economic Society of Australia. – 1939. – Vol. 15(1). – P. 24-38.

Lafortune et al. 2018 – *Lafortune G., Fuller G., Moreno J., Schmidt-Traub G., Kroll C.* SDG Index and Dashboards. Detailed Methodological Paper // Paris: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network: website. URL: <https://github.com/sdsna/2018GlobalIndex/raw/master/2018GlobalIndexMethodology.pdf> (date of access: 2020-04-04)

Maddison 2010 – *Maddison A.* Background Note on “Historical Statistics” // Groningen Growth and Development Centre. Maddison Historical Statistics: website. URL: http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/BackgroundHistoricalStatistics_03-2010.pdf (date of access: 2020-01-07).

Migration... 2016 – *Migration and Remittances Factbook 2016*. 3rd edition. – Washington, DC: World Bank Group, 2016. – 274 p.

Pohl 1970 – *Pohl H.J.* Kritik der Drei-Sektoren-Theorie // *Mitteilungen aus der Arbeitsmarkt- und Berufsforschung*. – 1970. – Vol. 3. – Issue 4. – S. 313-325.

Sachs et al. 2016 – *Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Durand-Delacre D., Teksoz K.* An SDG Index and Dashboards – Global Report. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2016. – 56 p.

Sachs et al. 2017 – *Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Durand-Delacre D., Teksoz K.* SDG Index and Dashboards Report 2017 – Global Responsibilities: International spillovers in achieving the goals. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2017. – 479 p.

Sachs et al. 2018 – *Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G., Fuller G.* SDG Index and Dashboards Report 2018 – Global Responsibilities: Implementing the goals. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2018. – 463 p.

Sachs et al. 2019 – *Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G., Fuller G.* Sustainable Development Report 2019. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2019. – 465 p.

Sachs, Warner 1995 – *Sachs J.D., Warner A.M.* Natural Resource Abundance and Economic Growth. NBER Working Paper 5398. – Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research Inc., 1995. – 54 p.

World Development... 2017 – *World Development Indicators 2017.* – Washington, DC: World Bank Group, 2017. – 124 p.

REFERENCES

25 let Sodruzhestvu Nezavisimyykh Gosudarstv. 1991-2015: statisticheskii sbornik / redkol.: gl. red. – Sokolin V.L. i dr. [25 years of the Commonwealth of Independent States. 1991-2015 / Editorial board: Sokolin V.L. (editor in chief) et al.] – M.: Statkomitet SNG, 2016. – 496 p. (In Russian)

Doklad o chelovecheskom razvitii 2019. Za ramkami urovnya dokhodov i srednikh pokazatelei segodnyashnego dnya: neravenstvo v chelovecheskom razvitii v XXI veke [Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in Human Development in the 21st Century]. – New York: UNDP, 2019. – 366 p. (In Russian)

FISHER A.G.B. Production, Primary, Secondary And Tertiary // *The Economic Record.* The Economic Society of Australia. – 1939. – Vol. 15(1). – P. 24-38. (In English)

Indeksy i indikatory chelovecheskogo razvitiya: Obnovlennye statisticheskie dannye 2018 [Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update]. – New York: UNDP, 2018. – 111 p. (In Russian)

KARAMURZOV R.B., FRIDMAN L.A. *Problemy mezhdunarodnykh ekonomicheskikh sopostavlenii (o nekotorykh spornykh voprosakh i raschetakh) [Problems in international economic comparisons (some controversial issues and estimations)]* IN: *Rossiia XXI. – 2011. – No. 3. – P. 54-85. (In Russian)*

LAFORTUNE G., FULLER G., MORENO J., SCHMIDT-TRAUB G., KROLL C. *SDG Index and Dashboards. Detailed Methodological Paper* // Paris: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network: website. URL: <https://github.com/sdsna/2018GlobalIndex/raw/master/2018GlobalIndexMethodology.pdf> (date of access: 2020-04-04) (In English)

MADDISON A. *Background Note on “Historical Statistics”* // Groningen Growth and Development Centre. Maddison Historical Statistics: website. URL: http://www.ggd.net/maddison/Historical_Statistics/BackgroundHistoricalStatistics_03-2010.pdf (date of access: 2020-01-07) (In English)

Migration and Remittances Factbook 2016. 3rd edition. – Washington, DC: World Bank Group, 2016. – 274 p. (In English)

POHL H.J. *Kritik der Drei-Sektoren-Theorie* // *Mitteilungen aus der Arbeitsmarkt- und Berufsforschung.* – 1970. – Vol. 3. – Issue 4. – S. 313-325. (In German)

SACHS J., SCHMIDT-TRAUB G., KROLL C., DURAND-DELACRE D., TEKSOZ K. *An SDG Index and Dashboards – Global Report.* – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2016. – 56 p. (In English)

SACHS J., SCHMIDT-TRAUB G., KROLL C., DURAND-DELACRE D., TEKSOZ K. *SDG Index and Dashboards Report 2017 – Global Responsibilities: International spillovers in achieving the goals.* – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2017. – 479 p. (In English)

SACHS J., SCHMIDT-TRAUB G., KROLL C., LAFORTUNE G., FULLER G. *SDG Index and Dashboards Report 2018 – Global Responsibilities: Implementing the goals.* – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2018. – 463 p. (In English)

SACHS J., SCHMIDT-TRAUB G., KROLL C., LAFORTUNE G., FULLER G. Sustainable Development Report 2019. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2019. – 465 p. (In English)

SACHS J.D., WARNER A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth. NBER Working Paper 5398. – Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research Inc., 1995. – 54 p.

World Development Indicators 2017. – Washington, DC: World Bank Group, 2017. – 124 p. (In English)